

КАТЕГОРИЯ МОТИВА В ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

СВЕТЛАНА А. ВЕРГЕЕНКО

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
Филологический факультет, Кафедра белорусской культуры и фольклористики
ул. Советская, д. 108, 246019 г. Гомель, Беларусь

e-mail: vergeenko777@mail.ru

(получено 22.06.2014; принято 26.11.2014)

Abstract

The categories of motife in philology

Works of the leading native and foreign authors are analyzed in this article. These works contain the research of issues connected with the notion «motif» in philology. The analysis of folklore elaborations allowed us to determine the three main ideas of understanding of this notion: motif as a subject building unit; motif as a structure building unit of a folklore text; motif from the point of view of its structure. In the charm genre material, both published and written down during folklore field expeditions, the author suggests such notions as «charm motif», «submotif», «micromotif».

Key words

Motife conspiracy, submotif, micromotif, formula, allomotif, motifema.

Резюме

В статье анализируются работы ведущих отечественных и зарубежных авторов, в которых исследуются вопросы, связанные с понятием «мотив» в филологической науке. Проведенный анализ фольклористических разработок позволил определить три основные концепции осмысления данного понятия: — мотив как сюжетобразующая единица; — мотив как структурообразующая

единица фольклорного текста; — мотив с точки зрения его структуры. На материале заговорного жанра, как опубликованном, так и записанном во время проведения полевых фольклорных экспедиций, автор предлагает к использованию такие понятия, как «заговорный мотив», «субмотив», «микромотив».

Ключевые слова

Заговорный мотив, субмотив, микромотив, формула, алломотив, мотивема.

Проблема теоретического осмысления понятия «мотив», без использования которого тяжело соотнести категории «типологическое» и «отличительное» в структуре и функциональности заговорных мотивов, является наименее разработанной в славянской фольклористике, несмотря на то, что именно фольклористы первоначально наиболее серьезно занимались исследованием сущности категории «мотив». Согласно с мнением С.Ю. Неклюдова, «это относительно редкий случай, когда понятие, разработанное на материале устных традиций, затем стало успешно применяться при рассмотрении книжной словесности»¹. Заслуживает внимания исследование российского ученого И.В. Силантьева *Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике*², в котором автор обращается к истории вопроса и очерчивает несколько направлений изучения понятия «мотив» в российской филологической науке, в большей степени в литературоведении: семантическое, морфологическое, дихотомическое, тематическое. Исследователь, характеризуя семантическое направление трактовки мотива, констатирует факт целостности мотива как семантической единицы и отмечает при этом, что например, для А.Н. Веселовского «морфологическая разложимость мотива (...) вполне очевидна, о чем свидетельствуют (...) определения мотива: это *схематизм* — значит, есть части этой схемы; это *формула* — значит, есть слагаемые этой формулы»³. И.В. Силантьев, анализируя «сюжетообразующий потенциал мотива», раскрытый А.Л. Бемом, и связь мотива с персонажем, представленную в работах О.М. Фрейденберг, утверждает, что «мотив как образная повествовательная формула, закрепленная в традиции, обладает свойством эстетической значимости. Именно это свойство мотива определяет в конечном счете его устойчивость в фольклорной и литератур-

¹ С.Ю. Неклюдов. *Мотив и текст*. [В:] *Язык культуры. Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)*. Отв. ред. С.М. Толстая, Москва: Индрик, 2004, с. 236–247. [Online] <www.ruthenia.ru/folklore/neckludov16.htm> (08.01.2011).

² И.В. Силантьев. *Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике. Очерк историографии*. Научное издание. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 1999, с. 104. [Online] <www.ruthenia.ru/folklore/silantiev1.htm> (08.01.2011).

³ Там же, с. 104.

ной традиции — и его релевантность в системе повествовательного языка этой традиции»⁴.

Концепция морфологического подхода, на которой сосредоточил внимание И.В. Силантьев, представлена в исследованиях В.Я. Проппа и Б.И. Ярхо, которые отстаивали позицию возможности дальнейшего разделения мотива на компоненты: субъекты, объекты и предикаты. Анализируя концепцию дихотомических представлений, связанных с мотивом, И.В. Силантьев обращается к монографии А.И. Белецкого, заслугой которого считает выделение в структуре мотива двух уровней: «мотив схематический» и «мотив реальный», реализация которых обусловлена в соответствии с обобщенной (инвариантной) формой мотива и конкретным фабульно-событийным отображением.

Заслуживает внимания и оценка И.В. Силантьевым тематической трактовки мотива, изложенной В.Б. Томашевским, Б.В. Шкловским, А.П. Скафтымовым, которые определяли мотив через категорию темы, утверждая факт первого понятия «как единицы типологического анализа сюжетики литературной эпохи в целом»⁵.

Значительная работа в области определения терминологического понятия «мотив» была сделана российскими фольклористами, однако, по мнению Б.Н. Путилова, еще «остаётся дискуссионным определение (особенно в практике конкретных исследований) границ и объема содержания термина»⁶. Ученый обращает внимание на неоднозначность понимания мотива А.Н. Веселовским, что привело к появлению «нескольких уровней сюжетики, которые неправомерно обозначать одним термином (...). За мотивом остаются два взаимосвязанных значения: во-первых, схемы, формулы, единицы сюжета в виде некоего элементарного обобщения и, во-вторых, самой этой единицы в виде конкретного текстового воплощения»⁷. Выделение этих уровней, а также появление *Морфологии сказки* В.Я. Проппа подтолкнули исследователей к необходимости разграничения понятия «мотив» на структурном и сюжетном уровнях. Б.Н. Путилов также обращается к работам А. Дандеса, однако утверждает, что «Дандесу категория мотива (в его понимании) вообще не очень нужна, поскольку он занимается не историей сказок или мифов, а их структурой»⁸, тем самым, подтверждая мысль о том, что терминами «алломотив-мотив-мотифема» можно пользоваться только при структурном анализе произведения. «Вообще тексты культуры, — как отмечает С.М. Толстая, — можно рассматривать, по меньшей мере, в четырех аспекта: ‚субстанциональном‘ (содержательные характеристики), ‚структурном‘ (морфологическая организация), ‚технологическом‘ (способ коммуникации — их сохранение, передача и восстановление), ‚прагматическом‘ (специфика их функционирования)»⁹. Для изучения мотивов в заговорах как

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Б.Н. Путилов. *Фольклор и народная культура*, Санкт-Петербург: Наука, 1994. [Online] <<http://www.infolib.info/philol/putilov/7.html>> (09.01.2011).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ *Круглый стол «Что такое фольклор?» (навстречу первому Всероссийскому конгрессу фольклористов)*. «Традиционная культура» 2005, № 2 (18), с. 5.

текстах культуры целесообразен структурно-функциональный аспект, который обусловлен спецификой функционирования мотивов в текстах лечебных заговоров, устойчивостью комбинации мотивных компонентов, устной природой заговорного жанра.

Анализ фольклористических разработок российских ученых позволяет определить три основные концепции осмысления понятия «мотив»:

(1) Мотив рассматривается как сюжетообразующая единица (С.Ю. Неклюдов, Т.А. Агапкина, Б.Н. Путилов);

(2) Мотив рассматривается как структурообразующая единица фольклорного текста (Б.Н. Путилов);

(3) Мотив рассматривается с точки зрения его структуры (В.П. Аникин, Н.М. Ведерникова, Н.А. Криничная, В.Л. Кляус, Л. Парпулова, Н.Г. Черняева).

Характеристика каждого из очерченных блоков дает возможность понять сущность предложенных фольклористами теоретико-методологических аспектов исследования категории «мотив».

(1) С.Ю. Неклюдов, разрабатывая теорию мотива в фольклористике, относил мотив «к числу наиболее сложных для изучения предметов филологического исследования». При этом автор бесспорно отмечает, что «данное понятие остается совершенно необходимым для фольклористов и вообще для исследователей традиционной словесности, обойтись без него не удастся ни при семантическом, ни при сюжетно-композиционном анализе»¹⁰. Исследователь соотносит мотив и сюжет как «часть и целое (с такой точки зрения мотив есть составной элемент сюжета)»¹¹. Он считает, что «обычно сюжету соответствует не один мотив, а целая серия взаимосвязанных и взаимообусловленных мотивов»¹². В отношении к заговорам и быличкам исследователь отмечает способность «мотива *разворачиваться* в сюжет и, напротив, способность сюжета *сворачиваться* до объема мотива»¹³.

Т.А. Агапкина в предисловии к книге *Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.)*¹⁴, аргументируя свое видение понятий «сюжет» и «мотив», подчеркивает: «... мы подходим к ним преимущественно типологически, это значит, обозначаем их единицами содержательными и передаем это содержание некоторой типовой структурной схемой»¹⁵. Не без оснований исследователь объединяет термином «мотив» «единицы разного масштаба и уровня — от обобщенно-формульных (способных к содержательному варьированию в рамках общей темы или семантической структуры формулы) до (...) конкретных и почти не варьируемых»¹⁶. Можно согласиться с Т.А. Агапкиной, что именно такой подход к осмыслению понятий «мотив» и «сюжет» «объясняется известным несовер-

¹⁰ С.Ю. Неклюдов. *Мотив и текст...*, с. 236–247.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ *Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.)*. Сост., подготовка текстов и коммент. Т.А. Агапкиной и др. Москва: Индрик, 2003, с. 17.

¹⁵ Там же, с. 17.

¹⁶ Там же.

шенством имеющего место понятийного аппарата фольклористики, но, прежде всего, особенностями заговора как жанра гетерогенного, который на протяжении истории своего становления вобрал целый ряд культурных традиций (устных и письменных) и жанровых форм»¹⁷. В этой связи резонным является мнение В.Л. Кляуса о том, что «систематизация заговорно-заклинательных текстов, в отличие от других жанров фольклора, чрезвычайно сложная задача, что определяется особенной природой жанра — его тесной и неразрывной связью с магическими представлениями и верованиями, его функционированием исключительно в ритуальных ситуациях, его исключительно прагматической направленностью и в то же время высокой поэтичностью»¹⁸.

Б.Н. Путилов в работе *Мотив как сюжетобразующий элемент*¹⁹ решает проблемы определения роли и отношения мотивов в рамках сюжета фольклорного произведения. Исследователь небезосновательно считает, что «для большинства фольклористов мотив в фольклорном произведении — это относительно самостоятельный, законченный и относительно элементарный отрезок сюжета»²⁰. Автор высказывает справедливое мнение, что «путь к пониманию сюжета, произведения в целом, лежит через самое детальное рассмотрение мотивов, которые его составляют»²¹. Традиционные представления и взгляды на мотив как на сюжетобразующую единицу, что берут начало от А.Н. Веселовского и преобладают в современной науке, Б.Н. Путилов считает недостаточными и схематическими, особенно «в свете современных структурно-типологических исследований фольклора...»²². Мотив, по мнению ученого, является элементом «эпической сюжетной системы. Мотив функционирует в составе системы, тут он находит свое определенное место, тут полностью проявляется его конкретное содержание. Вместе с другими мотивами (и другими типичными элементами) данный мотив образует систему»²³. Таким образом, сюжет представляет собой систему мотивов, и как элементы этой системы, «они сами представляют микросистемы, которые имеют свою структуру, свои особенности и возможности»²⁴. Поэтому, чтобы понять сюжет, как правильно отмечает исследователь, необходимо детально рассмотреть составляющие его мотивы: «Выделение мотивов, разделение сюжетов на мотивы, которые его составляют, изучение мотивов с точки зрения генезиса, бытовой и исторической приурочен-

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ В. Кляус. *Теоретические проблемы систематизации заговорно-заклинательного фольклора*. [В:] *Фольклористика в контексте наук о традиционной духовной культуре. Вопросы теории и методологии. Сборник материалов тематического блока XIV Международного съезда славистов (Македония, Охрид, 2008 г.)*. Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008, с. 84.

¹⁹ Б.Н. Путилов. *Мотив как сюжетобразующий элемент*. [В:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В.Я. Протта (1895–1970)*. Москва: Наука, 1975, с. 141–155.

²⁰ Там же, с. 143.

²¹ Там же, с. 143.

²² Там же, с. 144.

²³ Там же, с. 144.

²⁴ Там же, с. 144.

ности, развития, варьирования, а главное — с точки зрения их художественного отношения к целому, т.е. к сюжету — все это теперь представляет обязательную и наиважнейшую часть историко-фольклорного анализа»²⁵.

Б.Н. Путилов также отмечает, что «изучение фольклорного сюжета имеет в виду анализ совокупности всех элементов, выявление семантических, структурных связей, отношений между персонажами, выявление скрытых планов», поэтому, «чтобы прочесть сюжет, нужно подвергнуть анализу вошедшие в него мотивы — не только в их устойчивых значениях, но и в новом их обличье»²⁶.

Нельзя не согласиться с мнением Б.Н. Путилова, который отметил, что «мотив — явление слишком живое, неоднозначное, скользкое, слишком повязанное с пестротой, многообразием повествовательных и неповествовательных систем фольклорных жанров. Очевидно, что мотивы сильно разнятся по соотношению динамического и статического, нарративного и описательного, по функциям, по роли в сюжетообразовании и сюжетной организации текстов»²⁷. Необходимо отметить, что большинство предложенных определений были разработаны на материале эпических фольклорных жанров, и только российский исследователь В.Л. Кляус обращался к заговорным мотивам. Параллельно с понятием «мотив» некоторые исследователи, анализируя фольклорные эпические жанры, используют и категории «мотифема», «алломотив». Так, мотифема соответствует функции (А. Дандес, Л. Парпулова и др.), а в заговорном жанре, как отмечает В.Л. Кляус, эти функции сводятся к двум группам: «А — уничтожение, ликвидация кого-нибудь или чего-нибудь; В — образование, сохранение, использование»²⁸. В качестве былинной мотифемы, например, Н.Г. Черняева приводит мотифему «Герой убивает антагониста». Если пользоваться таким определением, то в лечебных заговорах мотифема соответствует функции борьбы с болезнью — «Персонаж борется с болезнью». Для заговора мотифема имеет обобщенный характер и проявляется во всех текстах лечебных заговоров. Способы реализации обозначенной мотифемы в заговорных произведениях достаточно разнообразны: от определения причин болезни до непосредственных способов избавления от болезни. В данном случае наибольший интерес представляет более конкретное проявление мотифемы, что выразительно представлено в заговорных текстах разных функциональных групп. С различными болезнями борются разные персонажи при помощи различных средств. Именно поэтому относительно заговорного жанра более правильно говорить не про мотифему, а про мотив, структуру которого образуют такие компоненты, как субъект, его действие, объект, на который направлено действие и другие обстоятельства действия.

---

²⁵ Там же, с. 143.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ В.Л. Кляус. *Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы*. Москва: Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, На- следие, 2000, с. 14.

Нельзя не согласиться с выводами исследователей об элементарности мотива, однако относительно заговорного жанра спорным представляется высказывание, например, А.Н. Веселовского, который отмечал, что при варьировании элементов мотива «происходит не разложение, а возникновение новых алломотивов — со своими содержательными оттенками и даже иными смыслами и (...) сюжетообразующими возможностями»²⁹. Необходимо отметить, что при варьировании элементов заговорного мотива происходит его конкретизация на различных «смысловых уровнях» (Р. Барт)³⁰, поэтому в отношении к анализу категории мотива как основной структурной и сюжетообразующей единице заговорного текста необходимо, на мой взгляд, введение в научный оборот других понятий, таких, как «субмотив» и «микромотив». Названные понятия позволяют более глубоко постичь характер реализации мотива в сюжете, тем более, что «семантический спектр» мотива «всегда более широкий, чем отдельное сюжетное воплощение и охватывает более значительное семантическое поле культурной традиции»³¹. Выделение категорий «субмотив» и «микромотив» дает возможность проследить как процесс структурного образования мотивов, так и определить их функциональную роль, а также характер их взаимодействия во время создания сюжета. Так, например, мотив «Обращение заговаривающего...» на объектном смысловом уровне реализуется через субмотив «Обращение заговаривающего к христианским персонажам» (когда конкретизируется один из структурных компонентов мотива — объект). В данном случае в качестве объектов выступают христианские персонажи, среди которых можно назвать Пречистую Мать, Иисуса Христа, ангелов и др. Дальнейшая конкретизация субмотива на объектном уровне приводит к появлению микромотивов, например «Обращение заговаривающего к Пречистой Матери», «Обращение заговаривающего к Иисусу Христу» и др.

Выделение суб- и микромотивов на конкретном смысловом уровне зависит от наличия или отсутствия константного компонента. Так, например, когда в мотиве «Обращение заговаривающего...» константными являются и субъект, и предикат, то выделение суб- и микромотивов возможно только на объектном смысловом уровне, а когда, например, в мотиве «Мифологический центр, в котором находится лекарь» константный компонент отсутствует, то суб- и микромотивы можно выделить на любом смысловом уровне.

Таким образом, под субмотивом (подмотивом) понимается конкретная реализация мотива на одном из смысловых уровней (субъектном, предикатном, объектном, обстоятельственном). При этом субмотив имеет способность к дальнейшей конкретизации на том или другом смысловом уровне, результа-

²⁹ См. Б.Н. Путилов. *Фольклор и народная культура*. Санкт-Петербург: Наука, 1994. [Online] <<http://www.infoliolib.info/philol/putilov/7.html>> (09.01.2011).

³⁰ Р. Барт. *Введение в структурный анализ повествовательных текстов*. [В:] *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе*. Москва: Московский государственный университет, 1987, с. 391.

³¹ С.Ю. Неклюдов. *Голос и эхо мифа (заметки о мифологическом тексте)*, «Живая старина» 2008, № 1 (57), с. 5.

том которой является микромотив как высшая степень конкретизации субмотива.

Для того, чтобы конкретно показать, каким образом мотив и сюжет соотносятся между собой как часть и целое в произведениях заговорного жанра, каким образом мотив как основная единица в моделировании текстов связан с сюжетным разнообразием заговоров, необходимо обратиться к подробному рассмотрению отдельных вариантов лечебных заговоров, к примеру, Гомельщины в рамках конкретных функциональных групп. Необходимо отметить, что выделение мотивов – важное условие систематизации сюжетных типов заговорных текстов. При проведении такого анализа учитывался фольклористический опыт представителей польской школы, которые, исходя из всемирных фундаментальных теоретических разработок проблемы «мотив и сюжет», выделяют несколько функций мотива: конститутивную, информативно-поисковую, экспликативную, моделирующую³².

Для того, чтобы убедиться в том, что мотив является не просто частью текста, а представляет собой сюжетообразующую единицу, необходимо сделать морфологический анализ заговоров. С. Небжеговская-Бартминьская предлагает два способа такого анализа — внешний и внутренний: «Первый имеет в виду сравнение вариантов текста, что позволяет определять, какие части повторяются как неделимые цельные структуры, это значит представить композиционную структуру текста. Второй способ анализа основан на изучении внутренних отношений между частями текста, это значит исследование изменений в развитии темы, интенции, смене субъектов речи»³³. Исследователь отмечает, что «внутренний анализ текста позволяет выделить, обозначить и дать определение частям текста, которые можно назвать текстовыми морфемами, — это мотивы-предложения, которые идут один за одним»³⁴, однако, возникает проблема, «каким образом описать выделенные мотивы. Их можно определять и записывать по-разному, на разных уровнях обобщения: от низшего (используя слова и высказывания из текста, что имеет смысл в случаях устойчивых формул) до высшего, абстрактного»³⁵. Проведенный анализ заговоров позволил сделать вывод, что при определении мотивов необходимо использовать оба пути, которые предлагает польская исследовательница.

Учитывая большое количество заговорных текстов, в качестве примера была избрана наиболее распространенная функциональная группа (заговоры «От суроков») и микромотив «Обращение заговаривающего к Пречистой Матери», который присутствует в 14,95 % от всего количества заговоров Гомельщины названной функциональной группы³⁶. Для того, чтобы показать сюжетное раз-

³² С. Небжеговская-Бартминьская. *Роль мотива в описании модели текста*. [В:] *Язык культуры...*, с. 256–273.

³³ Там же, с. 260.

³⁴ Там же, с. 263.

³⁵ Там же.

³⁶ Здесь необходимо оговориться, что для анализа использовались не только опубликованные материалы, но и тексты заговоров, которые были записаны в последние десятилетия студентами, аспирантами и сотрудниками кафедры белорусской культуры и фольклористики

нообразии заговоров данной функциональной группы с вышеобозначенным мотивом, применялся внутренний анализ текстов: «Господу Богу помолюся, Прачистой божей Маці поклонюся. Прачїста божа Маці, прїступї, поможі (імя) вроки віговораці. На сінему морї лежыт камень, на том каменї Ісус Хрїстос шаблею махае, от (імя) вроки одганяе. Ідзеш вы, вроки, з хаты дымом, з двора ветром, откуль прїшлі, туда ідзіце. Амін» (записано от Поляк Ольги Николаевны, 1934 г.р., д. Старо-Высокое Ельского района) или «Госпаду Богу памалюсь, прычыстай Маці пакланюсь, Прычыстая Маці, прыступіся, памажы. На сінім моры, на лукаморы стаїць камень. На том камню сядзіць бабка, кужалінку прадзе, кудзельку дапрадае, з-пад яе агонь апаляе. Як той бабкі адтуль не зняць, так рабы Божой (Ніне) прыстрэку не бываць»³⁷. Приведенные примеры из ряда многих проанализированных текстов позволяют высказать предположение относительно устойчивого характера повторения комплекса мотивов («Обращение заговаривающего к Пречистой Матери», «Источники болезни», «Отсылание болезни из частей тела», «Отсылание болезни на...», «Мифологический центр, в котором находится лекарь»), которые образуют сюжеты заговоров. Что касается последовательности их размещения в сюжетной цепочке, то обычно микромотив «Обращение заговаривающего к Пречистой Матери» предшествует другим мотивам. На мой взгляд, говорить про случайность такого объединения мотивов в данном случае нельзя. Стройный порядок их размещения позволяет утверждать, что такой характер их сочетания обусловлен внутренней логикой развития сюжета лечебных заговоров. Особенности сюжетов заговорной группы «От суроков», если иметь в виду характеристику мотивов, заключается в наличии в текстах этой функциональной группы межфункциональных (это значит таких, «которые встречаются в нескольких функциональных группах»³⁸) мотивов как основных.

(2) Б.Н. Путилов, проанализировав работы известных российских и зарубежных ученых (А.Н. Веселовского, С.Ю. Неклюдова, С. Томпсона, А. Дандеса, Л. Парпуловой), пришел к выводу о многозначности термина «мотив» в фольклористике и определил его как структурный компонент сюжета. В заговорных текстах, где наблюдается точное разделение произведения на структурные части, можно выделить целый комплекс мотивов, характерных для той или иной композиционной части произведения.

Если сконцентрировать внимание на отдельных структурных частях текстов заговоров «От суроков», записанных на территории Гомельщины, то можно заметить, что в каждой их них имеет место отличительное сочетание мотивов. Обычно молитвенное вступление дополняет микромотив «Обращение заговаривающего к Пречистой Матери»: «Першым разам, лепшым часам Госпаду Богу

учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» в полевых экспедициях на территории Гомельщины под руководством заведующей кафедрой, доктора филологических наук, профессора Валентины Станиславовны Новак и хранятся в архиве кафедры.

³⁷ Полесские заговоры..., с. 148.

³⁸ Полесские заговоры..., с. 19.

памалюсь, Святой Прачысце пакланюсь. Святая Маць Прачыста, памажы» (записано от Захаренко Татьяны Степановны, 1916 г.р., д. Капличы Калинковичского района) или «Господу Богу помолюся, Прочістой божэй Мацер поклонюся. Прочіста божа Маці, прідзі, поможы нашай (імя) урокі ўговораці» (записано от Поздняк Софьи Михайловны, 1935 г.р., д. Азаричи Калинковичского района) и др. Что касается главной повествовательной части, которая состоит из нескольких сегментов (выяснение причин болезни, описание мифологического локуса, способы избавления от болезни), то определяющими их мотивами являются такие, как мотив «Источники болезни», «Способы избавления от болезни», «Мифологический центр, где происходит основное действие», например, «на сінім моры бабка ў голечка наўгадуе надомкі, падзеўкі, падсмехі ветраныя, насланыя, падуманыя, прыгаворныя. А жаншчыны пад хусткамі, мужчыны пад шапкамі, дзявочы пад вянок, а парабочы пад ушынкай, цыганкі пад шалашом...» (записано от Поздняк Марии Даниловны, 1936 г.р., д. Кротов Калинковичского района), или «на сінім моры стоіць явар, у том яваре гадзюка сакоча, рагоча, а можа яна есці хоча. Нехай яна вхваціць (імя) прістреку, разнесе па мхах, па балотах, па ніцых лозах, па быстрых водах...» (записано от Саманчук Матрены Петровны, 1931 г.р., д. Страдубка Лоевского района), или «на сінім моры дуб зялёны. Што пад тым дубам стаяць тры браццы з тапарамі. Канцы зсякаюць, корні зсякаюць, пасля таго ўрокі аднімаюць: белавокія, чарнавокія, серавокія, сінявокія, урочныя, падзіўныя, пасмешныя, ветраныя, вадзяныя, сухотныя»³⁹.

Дополнение основных межфункциональных мотивов вторичными мотивами — закономерный путь создания различных сюжетных схем. Однако, нельзя не согласиться с Т.А. Агапкиной, которая заметила, что в меньшей степени учитываются «формообразующие мотивы (зачины, закрепки, молитвенные вступления и др.), те, что не выполняют определяющей роли в содержании заговора»⁴⁰.

(3) Мотив в точки зрения его структуры анализируют Н.М. Ведерникова, Н.А. Криничная, В.П. Аникин, которые, как и А.Н. Веселовский (*Поэтика сюжетов*) выделяют в структуре мотива следующие компоненты: персонаж (или субъект, активное действующее лицо), его действие (предикат), объект (лицо, на которое направлено действие), другие обстоятельства действия, «и без названных микрокомпонентов (непосредственно представленных или подразумеваемых) мотив невозможен»⁴¹. Например, в заговорном мотиве «Обращение заговаривающего...» такими компонентами являются заговаривающий (субъект), его обращение (действие) и персонаж (объект), к которому направлено обращение.

В структуре мотива выделяет отдельные компоненты и В.Л. Кляус, однако, он, разграничивая понятия мотив и сюжет, считает, что «под заговорным сю-

³⁹ *Замовы*. Уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г.А. Барташэвіч. Рэдкал. А.С. Фядосік і інш. Мінск: Навука і тэхніка, 1992, № 893, с. 265.

⁴⁰ *Полесские заговоры...*, с. 17.

⁴¹ В.П. Аникин. *Теория фольклора. Курс лекций*. 2-е изд., доп. Москва: Издательство КДУ, 2004, с. 283.

жетом может пониматься присутствие в тексте нескольких групп взаимосвязанных между собой элементов повествования — персонажа, его действия, места действия и объекта действия», а «любая пара повествовательных элементов в разговорном тексте является разговорным мотивом»⁴².

Б.Н. Путилов, анализируя работы Л. Парпуловой и Н.Г. Черняевой, отмечает, что «мотив может быть сведен к сочетанию субъект-действие (состояние)-объект. Он обладает относительной самостоятельностью, поскольку в нем заключены свои значения и поскольку он может реализоваться (...) в контексте разных сюжетов и даже разных жанров. При этом мотив полностью не изолирован, он состыковывается с другими мотивами как семантически, так и конструктивно. В ряде случаев мотивы складываются в блоки, которые фактически живут как одно целое, именно таким образом обнаруживая свои значения»⁴³. Нельзя не согласиться с этим мнением, поскольку многочисленные примеры фольклорных материалов Гомельщины доказывают справедливость обозначенных выше выводов. Так, наиболее распространенный в разговорном жанре мотив «Обращение заговаривающего (а в общем виде обращение субъекта)...» присутствует и в других жанрах устного народного творчества. В колядных песнях, например, этот мотив реализуется в обращении исполнителя в первую очередь к хозяину (в нашем определении к объекту), а функция обращения позволяет конкретизировать его на предикатном уровне, тем самым выделить предикатные субмотивы «Пожелание благополучия хозяину», «Требование платы за пожелание» и т.д.:

Добры вечар, гаспадару!
 Вынесь нам каўбас пару.
 Ой, пахадзі каля печкі,
 Пашукай нам перапечкі.
 Ой, пахадзі каля кваскі,
 Пашукай жа там каўбаскі.
 Вынесь сала, не скупіся,
 Каб твой ячмень урадзіўся,
 Каб нажалі сто коп жыта,
 Каб сям'я была ўся сыта,
 Каб скаціна вадзілася,
 Каб пшаніца радзілася,
 Каб гарэлку выпівалі,
 Каляднікаў частавалі⁴⁴.

В семейной обрядовой поэзии (например, свадебной) анализируемый мотив реализуется через обращение субъекта (исполнителя) к основным участникам обряда: молодым, их родителям и другим действующим лицам. Функции мотива связаны в первую очередь с объектом, к которому обращается субъект:

⁴² В.Л. Кляус. *Сюжетика разговорных текстов славян...*, с. 12.

⁴³ Б.Н. Путилов. *Фольклор и народная культура...*

⁴⁴ *Лоеўшчына... Бэзавы рай, песенны край. Сучасны стан традыцыйнай культуры Лоеўшчыны*. Укладанне, сістэматызацыя, тэксталагічная праца В.С. Новак. Гомель: Сож, 2007, с. 61.

обращение к молодым — с пожеланиями; к матери невесты — с предложением «*давай, мамка, падзелімся*» и с вопросом «*паглядзі, мамачка, ці не па мяне*»; к отцу невесты — с просьбой, чтобы не отдавал в чужую семью; к родителям жениха — с просьбой, чтобы приняли невесту в свою семью; к другим гостям — с предложением, чтобы они дарили подарки молодым.

Анализируемый мотив является неотъемлемой частью и некоторых поверий, выраженных формулой: чтобы было нечто (или чтобы не было чего-то), необходимо проговорить конкретные слова: «А я ў агародзе саджу агурцы... Штоб і ўжо былі харошыя, эта я так прашу: «Госпадзі, міласцівый, памагі мне, Божачка!» Дык і добры ўраджай тады»⁴⁵ или «Кагда сатана хацеў спакусіць чалавека на што-та плахое, трэба сказаць: «Тфу, сатана, адкаснісь ад мяня». Еслі злішся – сатана радуецца»⁴⁶.

В некоторых случаях тяжело разграничить жанры. Примером тому может служить колыбельная-заговор, которая используется для того, чтобы успокоить-укачать ребенка и заговорить его на хороший сон: «Петушкі Андрэйкі, а куркі Матронкі, забярыце ад майго Віцюшы (імя дзіця) крыксы, плаксы начныя, паўночныя, дзённыя, палудзённыя. А дайце яму добрага апеціта і сна, каб ён спаў, гуляў і к цельцу прыбываў»⁴⁷.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что сочетание «субъект-действие-объект» не только имеет разное семантическое значение, но и является многофункциональным, что позволяет назвать это сочетание мотивом. Что касается заговорного жанра, то семантика заговорного мотива проявляется на субъектном, предикатном, объектном и обстоятельственном «смысловых уровнях».

Таким образом, проведенный аналитический обзор литературы, посвященной исследованию мотива в филологической науке, позволил сделать следующий вывод: поскольку однозначное терминологическое определение понятия «мотив» учеными-фольклористами не выработано, а в белорусской фольклористике такой вопрос вообще не затрагивался, эта проблема является одной из наиболее актуальных, в том числе и при изучении произведений заговорного жанра. Мотив — это важная категории для осмысления заговорных сюжетов. Именно благодаря проводимому анализу заговорных мотивов можно определить заговорные сюжетные типы, что чрезвычайно важно при создании региональных указателей заговорных сюжетов. Принимая во внимание теоретические концепции российских исследователей, применив к белорусскому заговорному универсуму структурно-функциональный анализ, который предусматривает, что «каждый элемент имеет конкретное функциональное значение»⁴⁸, автор предлагает следующее определение категории «мотив» в заговорном жанре: заговорный мотив – содержательная, семантически законченная единица

⁴⁵ Там же, с. 290.

⁴⁶ Там же, с. 291.

⁴⁷ Там же, с. 332.

⁴⁸ В.Л. Абушенко. *Структурно-функциональный анализ*. [В:] *Новейший философский словарь*. 3-е изд. Минск: Книжный Дом, 2003, с. 997.

текста, элемент, который выполняет сюжето- (образовывает комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных мотивов, под этим комплексом мотивов понимается сюжет) и структурообразующую (образовывает определенные композиционные части произведения) функции. Как относительно самостоятельный фрагмент произведения имеет определенную структуру (субъект, его действие, объект, на который направлено действие субъекта и другие обстоятельства), компоненты которой проявляют способность к детализации, чем и обусловлена степень конкретизации мотива на уровнях субмотива (конкретной реализации мотива на субъектном, предикатном, объектном или обстоятельственном смысловых уровнях) и микромотива (высшей степени конкретизации субмотива на тех же или других смысловых уровнях).

Литература

- Абушенко В.Л. *Структурно-функциональный анализ*. [В:] *Новейший философский словарь*. 3-е изд. Минск: Книжный Дом, 2003.
- Аникин В.П. *Теория фольклора. Курс лекций*. 2-е изд., доп. Москва: Издательство КДУ, 2004.
- Барт Р. *Введение в структурный анализ повествовательных текстов*. [В:] *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе*. Москва: Московский государственный университет, 1987, с. 387–422.
- Замовы. Уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г.А. Барташэвіч. Рэдкал. А.С. Фядосік і інш. Мінск: Навука і тэхніка, 1992.
- Кляус В.Л. *Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы*. Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Наследие, 2000.
- Кляус В. *Теоретические проблемы систематизации заговорно-заклинательного фольклора*. [В:] *Фольклористика в контексте наук о традиционной духовной культуре. Вопросы теории и методологии. Сборник материалов тематического блока XIV Международного съезда славистов (Македония, Охрид, 2008 г.)*. Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008, с. 76–86.
- Круглый стол «Что такое фольклор?» (навстречу первому Всероссийскому конгрессу фольклористов). «Традиционная культура» 2005, № 2 (18), с. 11–12.
- Лоеўшчына... Бэзавы рай, песенны край. *Сучасны стан традыцыйнай культуры Лоеўшчыны*. Укладанне, сістэматызацыя, тэксталагічная праца В.С. Новак. Гомель: Сож, 2007.
- Небжеговская-Бартмильская С. *Роль мотива в описании модели текста*. [В:] *Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)*. Москва: Индрик, 2004, с. 256–273.
- Неклюдов С.Ю. *Голос и эхо мифа (заметки о мифологическом тексте)*, «Живая старина» 2008, № 1 (57), с. 2–5.
- Неклюдов С.Ю. *Мотив и текст*. [В:] *Язык культуры. Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)*. Отв. ред. С.М. Толстая, Москва: Индрик, 2004, с. 236–247. [Online] <www.ruthenia.ru/folklore/neckludov16.htm> (08.01.2011).
- Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.)*. Сост., подготовка текстов и коммент. Т.А. Агапкиной и др. Москва: Индрик, 2003.

- Путилов Б.Н. *Мотив как сюжетобразующий элемент*. [В:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В.Я. Проппа (1895–1970)*. Москва: Наука, 1975, с. 141–155.
- Путилов Б.Н. *Фольклор и народная культура*, Санкт-Петербург: Наука, 1994. [Online] <<http://www.infoliolib.info/philol/putilov/7.html>> (09.01.2011).
- Силантьев И.В. *Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике. Очерк историографии*. Научное издание. Новосибирск: Издательство «ИДМИ», 1999, с. 104. [Online] <www.ruthenia.ru/folklore/silantiev1.htm> (08.01.2011).